

Шапка - невидимка.

Предстоящіе въ Германіи парламентскіе выборы уже вызвали къ жизни одну такую особенность, которая послужитъ новымъ оружіемъ для тѣхъ, кто недовѣрчиво и неодобрительно относится къ завоеваніямъ современной техники. Именно: коммунисты, состоявшіе дленами распущеннаго рейхстага, исчезли, если не съ лица земли, то съ глазъ прокуратуры, которая старается ихъ арестовать — но мятежные голоса ихъ, этихъ скрывающихся коммунистовъ, продолжаютъ въ нѣмецкомъ пространствѣ громко и безпрепятственно звучать.

Коммунистическая партія заставила своихъ опальныхъ сочленовъ наговорить свои агитаціонныя рѣчи въ граммофонъ и вотъ она развозитъ теперь по всей странѣ эти граммофонныя пластинки, еще усиливаемые громкоговорителями. Прокуратура свирѣпо гонится за своими жертвами, а невидимыя жертвы эти смѣются надъ ней и, такъ сказать, — передъ ея носомъ, у нея если не на глазахъ, то на ухахъ, звучно и звонко внушаютъ свои предвыборные лозунги сотнямъ тысячъ слушателей, и сотни тысячъ слушателей могли бы пожалуй, звучно и звонко потѣшаться подъ приходящей въ бесильное бѣшенство прокуратурой. Она противъ собственной воли необычайно популяризировала новый способъ предвыборной агитаціи; незримые кандидаты не должны теперь напрягать ни своего голоса, ни своей головы: за нихъ говорить и думать граммофонная пластинка, изготовленная во множествѣ экземпляровъ, ораторствующая одновременно во многихъ мѣстахъ, никогда не устающая, всегда готовая къ своимъ громкимъ услугамъ. Невидимый, но слышимый коммунистъ рѣшетъ гдѣ-то въ воздушныхъ волнахъ, и никакая полиція не можетъ его поймать. Если бы она знала русскую литературу, она, вѣроятно, вспомнила бы, какъ Людмила въ шалкѣ-невидимкѣ дразнила злого волшебника Черномора — съ тою, впрочемъ, оговоркой, что коммунисты не слишкомъ похожи на пушкинскую прелестную Людмилу.

Какую торжество механики, какая побѣда техники! Представляемый своей пластинкой кандидат ни за что не охрипнетъ, хотя бы онъ въ одинъ вечеръ говорилъ двѣнадцать разъ, и, теряя ни денегъ, ни времени, ни нервовъ, онъ можетъ въ одинъ день выступать на пятидесяти собраніяхъ.

Души не требуется; душа упразднена, пафосъ механизированъ и надежно запертъ въ граммофонъ — послѣднее слово удобства, комфорта и массовой обработки умовъ. Прибавьте къ этому что въ шапку - невидимку граммофона одѣтый кандидат не подвергается опас-

ности физическихъ воздѣйствій, онъ не пострадаетъ отъ бурнопламенности политическихъ страстей, отъ накаливающейся температуры выборныхъ собравій, и ни одна пивная бутылка не коснется его головы, и ни одинъ увѣсистый кулакъ конкурента не оскорбитъ его почтенной спины. Онъ присутствуетъ отсутствуя, отъ отсутствовать присутствуетъ, вездѣсущій и не сущій, политическая маріонетка, своеобразный всадникъ безъ головы.

Одинъ нѣмецкій публицистъ вспоминаетъ по этому поводу давнишнее изреченіе Анатоля Франса: «политика, это — постоянно повторяемое повтореніе не однократно повторенныхъ рѣчей». Но если такъ, то новѣйшее изобрѣтеніе, политическія пластинки, является лишь дальнѣйшимъ шагомъ по той дорогѣ механизациі, на которую политическая жизнь ступала уже раньше. Механизированная агитація приобрѣла теперь лишь безукоризненную точность специального прибора. вновь изобрѣтенные политическіе приборы, эти звучащія «шпаргалки» дѣйствуютъ съ неуклонностью автомата. Прежде политическій ораторъ или агитаторъ, пусть и рѣдко, позволялъ себѣ все-таки нѣкоторую импровизацію, и неожиданно приходилъ ему въ голову какой-нибудь новый доводъ, какая-нибудь самостоятельная мысль. Нынѣ же пластинка всѣ эти вольности отмѣнила, и благодаря ей партійная цензура можетъ разъ на всегда установить строгіе шаблоны. Примѣру коммунистовъ, изобрѣтателей машинной агитаціи, могутъ послѣдовать и всѣ остальные партіи, такъ что общими усилями личность изъ политической жизни будетъ устранена, и разстелется передъ нами широкая плоскость политическаго безличія и бездушія. Да здравствуетъ политика плоской пластинки!

А говоря серьезно, торжество граммофона въ политикѣ — это, конечно, пошлость, это — карриатура техники. Но карриатура возможна повсюду, и ей поддается все серьезное. Вотъ почему серьезнаго существа техника не подрываетъ придуманная коммунистами карриатура на нее, почти оскорбительное злоупотребленіе ею. Техника не виновата, если не всѣ умѣютъ ею пользоваться. Не техника виновата, если люди прибѣгаютъ къ ней безъ чувства мѣры и безъ такта — я сказалъ бы даже, безъ великодушія. Душа — прежде всего! Тѣ политики, которые обходятся безъ нея и которые прячутъ свою голову въ рупоръ, подъ шапку-невидимку граммофона, могутъ привлечь къ себѣ любопытство слушателей, но не ихъ душу, могутъ овладѣть ихъ механикой, но не ихъ живой психикой.